

Annotation

Через пятьсот лет после правления Конана Аквилонского орды варваров предают Хайборио огню и мечу. В этот жестокий мир приходит воительница, неустршимая гирканка Рыжая Соня.

- 2.

◦

2.

Дуглас Брайан

Сокровища Связанного Бога

Одуряющий полдень раскинулся над джунглями Кешана. Мясистые листья растений, ослепительно-яркие цветы, сверкающие крылья гигантских бабочек, пестрое оперенье тропических птиц – все словно источало негу. В такое время суток хорошо нежиться в гамаке, под живительной прохладой навеса из пальмовых листьев.

Но молодая женщина – белокожая, с медно-рыжими волосами, убранными под белое покрывало, – упрямо стиснув зубы, шла вперед, пробираясь сквозь заросли. Она была довольно рослой, с красивыми серыми глазами – сейчас сощуренными, словно она гневалась.

Она и вправду гневалась – на удушающую жару, на нелепые обстоятельства, благодаря которым она заплутала в бесконечных джунглях. Лошадь ее пала два дня назад, и женщине пришлось идти пешком. Она все же не теряла надежды выйти к человеческому жилью.

Рыжая Соня, одинокая воительница, чья жизнь и цели не были известны никому во всем мире – собственно, никому в этом мире не было до Сони никакого дела! – давно забыла о том, что такое отдых под крышей, пусть это даже крыша туземной хижины. У нее оставался верный лук, несколько стрел и два кинжала за поясом. Продовольствие, запасенное на рынках большого кешанского города Алкменона, закончилось. Сладкие водянистые тропические плоды и мясистые сладковатые корни растений, указанные ей друзьями из племени макололо как съедобные, смертельно ей надоели. Чего только ни отдала бы сейчас Соня за кусок доброго, хорошо прожаренного ванирского ростбифа, который – вечность назад! – великолепно готовила сонина мать!

Вот уже три недели Соня не видела человеческого лица. С ней было двое спутников-негров, но они погибли. Недюжинное здоровье, молодость и нечеловеческая сила воли молодой воительницы и на этот раз позволили ей выиграть смертельную схватку с джунглями. Впрочем, игра еще не окончена...

И если в ближайшие два дня она не выберется к человеческому жилью, силы могут оставить ее. Она не сможет больше идти и погибнет.

Одна только мысль об этом казалась Соне невыносимой. Умереть

сейчас, в самом начале жизни, когда она только начала путь к своей великой цели... Нет! Вся деятельная натура Сони восставала против этого.

Боги не допустят такой глупой несправедливости.

Соня никогда не отличалась особой набожностью, однако в своих богов верила безусловно. Ее покровительница Рысь не раз приходила к ней на помощь, спасая беспокойную девушки, попавшую в самые неожиданные и подчас смертельно опасные ситуации.

Чтобы разогнать одиночество, Соня негромко запела одну из боевых гирканских песен – их она знала множество.

Испуганные звуком человеческого голоса, с тревожными криками разбегались мелкие обитатели джунглей.

И словно в ответ на пение Сони донесся слабый зов.

Соня остановилась и прислушалась. Не может быть!

Но нет. Голос принадлежал человеку.

Соня ускорила шаги. Вскоре она вышла на поляну. Ужасное зрелище предстало ее взору.

«Люди! – с горечью подумала Соня. – Как стремилась я вновь увидеть ваши лица. И вот я опять стыжусь того, что и сама принадлежу к роду человеческому, погрязшему в жестокости и изуверстве! Здесь, в девственных джунглях, иной раз хочется стать диким зверем, яростным и невинным!»

Изуродованные, истерзанные человеческие тела покрывали поляну, так что даже густой тропической зелени не видно было под бренными останками изувеченной плоти. В беспорядке были разбросаны одеяла, котлы, разбитые деревянные миски. Судя по всему, какие-то странники, такие же бродяги, как Соня, расположились здесь на привал, но ужасная судьба настигла их.

Кто же напал на них врасплох? И чего искали убийцы?

Увы! Никто не мог дать ответа на этот вопрос. На первый взгляд, свидетелей ужасающего деяния не осталось. Трупы убитых безмолвствовали.

«Но я же слышала человеческий голос, подумала Соня, беспокойно озираясь по сторонам. – Кто-то явно звал на помощь. Нет, я не могла ослышаться».

Она довольно долго бродила по полю боя, пробираясь между трупов. Черные, как эбеновое дерево; белые, смуглые тела лежали рядом, словно заснувшие братья. В жарком тропическом климате их уже тронуло тление, и мухи слетались на запах. С громким тревожным криком вспорхнула из густой травы куропатка, заставив Соню шарахнуться от неожиданности.

Наконец!

Соня заметила, что в одном из несчастных все еще теплилась жизнь. Это был рослый чернокожий человек, истекающий кровью, которая лилась из его многочисленных ран. Усилие, которое он приложил, чтобы позвать на помощь, окончательно истощило его и без того слабые силы, и он потерял сознание.

Соня стремительно наклонилась над раненым, желая осмотреть его повреждения. С первого же взгляда даже неопытной целительнице – а у Рыжей Сони был довольно неплохой опыт, благодаря ее участию во множестве военных операций – стало бы ясно, что раны юноши смертельны.

Однако несмотря на это Соня, охваченная чувством милосердия, смочила виски умирающего водой и поднесла флягу к его воспаленным губам. Веки юноши дрогнули, страдальческие глаза медленно открылись.

– Ты умираешь, мой друг, – печально проговорила Соня.

– Кто ты? – прошептал чернокожий.

– Я Соня...

Пальцы чернокожего слабо сжали сонино запястье.

– Это ты – Огненная Грива? – изумленно проговорил юноша. – Это ведь о тебе поют в джунглях тамтамы?

– Огненной Гривой называют меня некоторые черные племена по обоим берегам Зархебы и в верховьях Стиksа, – ответила Соня, несколько удивленная. – Но откуда тебе известно мое имя?

– Неважно, – был ответ. – Я знаю тебя. Это главное.

– Зато я тебя не знаю, – возразила Соня.

– Я Мгонга, сын великого жреца Мбонга. Я и сам жрец.

Соня дала ему еще немного воды. Это, казалось, приободрило молодого человека, и он снова заговорил.

– Стигийские псы и их дарфарские прихвостни напали на нас. Они схватили одну девушку, такую же белую, как и ты, Соня. Не дай им увести ее. Они продадут ее в рабство, и участь ее будет ужасной. Останови их! Я не успею. Мне не хватит времени.

– Мне жаль покидать тебя одного, – мучаясь сомнениями, сказала Соня.

– Я пойду к моему богу, и он исцелит мои раны, – сказал умирающий и закрыл глаза.

Пальцы чернокожего, сжимавшие руку Сони, разжались. Соня почувствовала, как силы ее удесятерились. Ее энергию питала ненависть к работорговцам. Сейчас никто не узнал бы в ней той измученной путницей,

которая хриплым голосом распевала песенки, лишь бы не поддаться отчаянию, из последних сил продираясь сквозь тропический лес.

Стремительно, как тень, заскользила она по джунглям. Зоркие тренированные глаза следопыта легко обнаруживали след убийц на мягкой земле. Вот примятый лист, вот сломана ветка. Сама же Соня давно уже научилась следов за собой не оставлять. Этому научили ее в храме, а отточили это мастерство бывалые воины, с которыми Соня обошла половину населенного мира.

Белая девушка в руках работоговцев! Откуда она здесь взялась? Соня представляла себе ее – свою сестру – в грязных лапах насильников и почти скрежетала зубами.

И еще одно увеличивало ее ярость. Мысль о том, что она оставила молодого человека умирать на поляне, одного среди искалеченных трупов. Молодой сын жреца встречал смерть с достоинством и спокойствием, как истинный воин, которому мог бы позавидовать и испытанный ветеран. Соня, не раз смотревшая смерти в лицо, никогда не отводила от нее глаз. Она испытывала глубочайшее уважение к таким людям.

Впереди мелькнуло что-то светлое. Соня мгновенно забыла обо всех своих сожалениях. Теперь она была как сжатая, распрямляющаяся стальная пружина.

Двумя меткими выстрелами из лука Соня насмерть уложила двоих бандитов, в которых сразу же признала стигийцев. Затем она выхватила из-за пояса оба своих кинжала, острых, как бритва, и бросилась в неравный бой.

Суеверные чернокожие носильщики, которых стигийцы наняли в ближайшей деревне, приняли невесть откуда взявшуюся белую женщину с развевающимися огненными волосами за злого духа леса. Соня и была сейчас похожа на воплощение Ярости.

Увидев, что все его спутники разбежались кто куда, гирканский наемник – единственный, кто готов был дать отпор неожиданному врагу, – выругался сквозь зубы и рванулся за своей саблей. Но, к несчастью, разбивая лагерь на привал, он слишком далеко положил оружие. Не ожидал он встретить здесь врагов.

Стремительная и разъяренная, как пантера, Соня вихрем налетела на него. Сабля так и осталась лежать в траве. Рукоять кинжала ударила гирканца в висок. Тот потерял сознание.

И только тогда, тяжело переводя дух, Соня огляделась по сторонам в поисках пленницы.

Поляна была усеяна вещами – судя по всему, награбленными убитыми

стигийцами. Тюки материи мало заинтересовали Соню, чего нельзя сказать о продовольственных запасах и оружии.

Безжалостные негодяи, устраиваясь на привал, не позабыли развязать пленицу. Белокурая девушка сорчилась между корней большого дерева и дрожала всем телом, как пойманная птичка. Голубые, как незабудки, глаза с ужасом смотрели на Соню.

– Ты свободна! – произнесла Соня.

– Кто ты? Чего ты хочешь от меня? – пролепетала девушка.

Судя по выговору, она была родом откуда-то с севера... Может быть, даже из Аквилонии.

Соня поморщилась. Она ненавидела аквилонцев и все, что несли они миру: так называемую «цивилизацию» – цивилизацию сытости, продажности и убийств.

Тем не менее с пленицей нужно было что-то делать. Она была совершенно беспомощна. Бросить ее одну в джунглях только потому, что бедняжка имела несчастье родиться в Аквилонии, – значит, обречь ее на верную гибель. В таком случае лучше было бы оставить ее в лапах работников. Те по крайней мере заботились о ее жизни.

– Постарайся не двигаться. Я развязу тебя, – сказала Соня, стараясь придать своему хриплому голосу ласковые интонации.

Увидев в руках странной женщины кинжал, белокурая девица отчаянно завизжала и забилась в своих путах.

Она не верит мне, сообразила Соня. Она думает, что я сейчас перережу ей горло. Что ж, возможно, она и права...

Соня остановилась в нерешительности. Конечно, трехнедельное отчаянное путешествие по джунглям, полуголодная жизнь, одиночество, – все это отнюдь не красило Соню. Если быть совершенно честной, то сейчас она, наверное, выглядит похуже самого лютого стигийского мародера.

От грязи, пота, раздавленных насекомых ее лицо превратилось в жуткую маску. Одежда Сони изорвалась, когда-то белое покрывало на волосах сбилось и утратило былую чистоту. В косах застряли листья и веточки. А как еще может выглядеть человек, потерявший все свои вещи в водах Стикса – в верховьях эта река была довольно быстрой и бурной!

Соня нахмурилась. Ей вовсе не нравилось выглядеть замарашкой, пусть даже в глазах этой насмерть перепуганной холеной аквилонской девицы. Соня сердито пригладила свои огненно-рыжие волосы и тряхнула головой.

– Ну вот что, – проговорила она, – брось-ка ты дурить. Давай сюда

руки. Ничего дурного я тебе не сделаю... – И не удержалась от удовольствия прибавить: – Пока что.

Измученная пережитыми ужасами, прекрасная пленница потеряла сознание. Что ж! Соня и сама с удовольствием рухнула бы в обморок, но сейчас она не могла позволить себе подобной роскоши. Для этого она была слишком голодна.

Соня собрала оружие и продукты, готовясь разбить лагерь на новом месте. Когда она вспомнила о гирканце, которого оглушила ударов в висок, было уже поздно: того и след простыл. Соня решила пока что не беспокоиться об этом. Одной заботой меньше, только и всего. Соня не слишком любила убивать безоружных, беспомощных людей. А оставлять врага в живых было непозволительным легкомыслием. Словом, гирканец позаботился о себе сам и избавил Соню от разных неприятностей и необходимости принимать какое-то решение. Когда-нибудь, возможно, они снова встретятся лицом к лицу как достойные противники. За годы скитаний и приключений Соня кое-чему научилась. Никто не сумеет найти ее следов в джунглях, если только сама Соня того не захочет.

* * *

Пробуждение оказалось не из приятных. Лежа связанной по рукам и ногам и глядя в низкое небо, Соня угрюмо размышляла: что же помешало ей заснуть чутко, как обычно, прислушиваясь к каждому шороху? Сытный ли ужин – впервые за долгое время? Какой-то таинственный дурман, подмешанный ей в питье?

Какая разница! Она попалась – только это и имело сейчас значение.

Как бы то ни было, а сейчас она мерно покачивалась, привязанная к большим носилкам, которые несли на плечах два высоких туземца.

А белокурая девушка, пленница, аквилонка? Уж не приснилась ли она Соне? Действительно, она была похожа на видение – в красивом платье, с блестящими золотистыми волосами, голубоглазая, как фарфоровая куколка... Что она делала в этих джунглях?

– Не приснилась! – произнес вдруг чей-то голос над ухом у Сони.

Этого еще не хватало! Кто-то читает мои мысли, подумала Соня и выругалась про себя – специально для подслушивающего телепата.

Однако голос человека, заговорившего с Соней, показался ей странно знакомым. Где она слышала его? Где? Вроде бы, они встречались совсем недавно... Когда же это было?

Да нет, не может быть! В последний раз она разговаривала с человеком – если не считать, конечно, белокурой пленницы и умирающего чернокожего юноши – несколько недель назад. Не мог же чернокожий... Глупости! – одернула себя Соня. Раны парня были смертельны. Он давно уже стал пищей для червей.

– Как видишь, нет, – спокойно отозвался тот же голос. – Я же говорил тебе, что мой бог исцелит меня. Ах, Соня, ты все время забываешь, что здесь, в Кешане, богов много. Я служу хорошему, старому богу. Он многое может и никогда не отказывает жрецам в их скромных просьбах. А мы постарались доставить ему удовольствие. Мы наняли стигийцев, которые согласились в обмен на наше золото привезти белокурую девушку с белой, как слоновая кость, кожей в жены нашему богу. Ему нужна жена, он ясно выразил свою волю... А у нас есть золото. Ты не слышала об этом? Много золота. Можно взять не один мешок, а останется еще больше. По дороге на стигийцев напал этот сумасшедший Сирхан, который называет себя Братом Рассвета... Гирканец, наемник. Он иногда работает сам на себя. Ну, тот гирканец, которого ты убила на поляне...

– Я его не убивала, – хрипло проговорила Соня. – Он сбежал.

– В таком случае, ты совершила большую ошибку, – спокойно отозвался собеседник Рыжей Сони. – Но, как бы то ни было, спасибо тебе. Ты отобрала у него пленницу. Теперь у нашего бога будет настоящая белая жена. Ты заслужила награду, Соня. Чего ты хочешь? Золота?

– Нет, – ответила Соня мрачно. Мысль о том, что обманщик-негр заплатит ей за предательство, была ей ненавистна. Кровавый туман застилал ей глаза. – Не нужно мне ничего от вашего презренного идола! Я освободила девушку не для него, а для себя. Как ее зовут, кстати?

– Энна.

– Отпусти ее! Отдай ее мне!

– Не могу, – сказал негр. – Наш бог рассердится на тебя и на меня. Он старый бог, хороший, но когда он сердится – всему племени очень плохо. Что такое две белых девушки, если погибнут много черных людей? Неужто ты не жалеешь черных людей, Соня? Ты хочешь нашей гибели?

Соня не ответила. Все демоны ада, казалось, разрывали ее грудь. Если проклятый негр умеет читать ее мысли, то нечего и тратить слова на этот бесполезный разговор.

– Ну, дело твое, – примирительно произнес негр. – Однако мы не хотим платить злом за добро, которое ты сама того не желая принесла нашему племени. Поэтому мы просто привяжем тебя к дереву и оставим... на свободе.

Соня похолодела. Встретить смерть от зубов хищников? Умереть, как жертвенная скотина, – беспомощной, привязанной, не имея даже возможности защититься?

Шествие между тем остановилось. У Сони оставалась еще последняя надежда на освобождение. Только бы они развязали ей руки... Но увы! Для этого пленители рыжеволосой воительницы были слишком опытными воинами. Соню поставили на ноги, не отвязывая от жердей, к которым она была накрепко примотана.

Упрямство Сони кого угодно могло вывести из равновесия. Пока негры привязывали ее к дереву, она злорадно считала:

– Одна овца... Две овцы... Три овцы...

– Заклинания не помогут тебе, Соня, – мрачно сказал Мгонга, затягивая последний узел.

Выражение лица предателя-негра порадовало Соню. Ей удалось-таки вывести из себя невозмутимого Мгонгу. А главное – чернокожий не догадался о том, что ей, Рыжей Соне, страшно.

Джунгли вскоре поглотили караван, уводящий с собой белокурую Энну.

Досчитав до тысячи трехсот овец, Соня принялась распевать на весь лес любовные песенки, особенно любимые наемниками.

По крайней мере, на какое-то время это пение удержит зверей на расстоянии. А может быть, какая-нибудь человеческая душа услышит этот отчаянный призыв о помощи...

* * *

Соня не знала, сколько прошло времени. Жажда обметала ее губы. Голова бессильно повисла на грудь. Соня знала, что через несколько часов она умрет. В бессильной яности она кусала губу. Как глупо! Столько узнать, столького достичь, стольких бед и опасностей избежать – и все ради того, чтобы бесславно загнуться в джунглях, пав жертвой предательства каких-то дикарей!

И тут...

Соня прислушалась. Надежда вновь ожила в ней. Кто-то шел по лесу.

Конечно, это белый. Ни один негр, ни одно животное не в состоянии проридаться сквозь джунгли с таким шумом.

Матерь богов! Да это тот гирканец, которого Соня только оглушила ударом рукоятки кинжала в висок вместо того, чтобы убить... Как биши его

зовут? Сирхан!

Все-таки случается иногда польза от добрых порывов. Хорошо бы еще внуширить эту идею гирканскому наемнику...

Сирхан, завидев Соню привязанной к дереву, страшно обрадовался. Он обнажил нож и принял размахивать им перед носом у связанной девушки, на что та взирала мрачно, но без всякого страха. Она знала, что человек, решивший убить другого человека, не станет с ним разговаривать.

А Сирхан болтал не переставая.

– Ты напала на меня неожиданно, женщина! Ты думала, что убила меня? Ха! Твой удар для меня – как укус комара! Чтобы свести со света Сирхана нужно что-то посерезнее рыжеволосой девки! О, какой радостью будет для меня вонзить этот кинжал в твое лживое сердце!

В таком духе гирканец торжествовал и хвастался, пока Соня не проговорила с глубокой убежденностью в голосе:

– А ведь ты, Сирхан, пожалуй, погибнешь один в этих джунглях. Ты, наемник, – не лесной житель. Ты дажеходить по лесу толком не умеешь. Как ты полагаешь выбраться отсюда?

Гирканец зарычал от ярости. Некоторое время он поливал Соню проклятиями, но затем признался: в джунглях, среди незнакомой местности, ему одному жутковато. Проклятые негры-носильщики разбежались, проводника еще найти надо, да такого, чтоб не завел и не бросил... Да, опыта жизни в подобных местах у гирканца совсем нет.

Таким образом вскоре Сирхан и Соня нашли общий язык. Сирхан освободил девушку. Они развели костер и, ужиная мясом зверька, убитого Соней, принялись толковать о золоте туземцев.

Когда неграм понадобилась белокурая девушка для торжественного жертвоприношения («Значит, я не ошиблась!» – подумала Соня), они предложили работорговцам такую колоссальную сумму в чистом золоте, что несколько отчаянных стигийских голов в конце концов рискнули. Их выбор пал на молодую аквилонку, дочь одного купца, торговавшего в Алкменоне шелковыми тканями. Этот купец шел из Кхитая к себе на родину и решил провернуть еще несколько выгодных сделок, ради чего и задержался на стигийской границе.

Девушка была похищена с такой изощренной ловкостью, которая делала честь профессионализму стигийских работорговцев. Ее выкрали прямо с улицы, вместе с носилками. Рабов, несших носилки, перебили за считанные минуты, девушку завернули в ковер и оглушили ударом по голове. После чего ее преспокойно вынесли из города.

При этом сами стигийцы вынашивали собственные алчные замыслы.

Их привлекала возможность подобраться поближе к таинственному идолу – доброму богу Мгонги, который если уж рассердится, то беда! По слухам, божок был вырезан из цельного куска алмаза...

Когда пленница была передана неграм, а стигийцы получили свое золото, то хищники-работорговцы не успокоились. Они начали выслеживать Мгонгу и его спутников, надеясь по их следу выйти в таинственное селение, к загадочному идолу, о котором ходило столько легенд...

Однако дикиари с их удивительным чутьем вскоре распознали слежку и в свою очередь устроили ловушку стигийцам. На той поляне, где Соня нашла чернокожего колдуна умирающим, и произошло роковое столкновение.

Негры недооценили умение стигийцев пользоваться луком, стрелами и кинжалами. Работорговцы, хладнокровные профессиональные убийцы, привыкшие уничтожать любое препятствие, возникшее на их пути, будь то дерево, растущее на дороге, женщина или ребенок, случайно нарушающие их планы, – эти люди выиграли битву против многочисленных чернокожих дикарей, хотя и заплатили за это страшную цену. Только двое уцелело, не считая кучки негров-носильщиков, запуганных стигийцами до потери человеческого достоинства.

Тут-то в дело и вмешалась Рыжая Соня. Казалось, сама судьба позаботилась привести ее на эту поляну. Страшно даже подумать о том, какая участь ожидает молодую пленницу-аквилонку, оказавшуюся в дебрях Кешана без всякой поддержки, без всякой надежды на спасение.

Та же таинственная сила сделала сейчас союзниками гирканского наемника Сирхана и Рыжую Соню. Конечно, оба понимали, что едва только достигнут цели – сокровища народа Мгонги – как этим добрым отношениям, скорее всего, придет конец. Но пока что...

* * *

В деревне Мгонги караван ждали с нетерпением. Весть о том, что сын жреца возвращается с добычей, отнятой у стигийцев, с белой девушкой и с золотом, которое снова вернулось к черному народу, разнеслась быстро, далеко опережая караван. И вот Мгонга ступил на территорию родной деревни.

Энна в ужасе разглядывала фантастическую картину, открывшуюся ей внезапно среди густой зелени. Конусообразные хижины, возле которых

корошились дети – многие с раздутыми животами, хлопотали женщины с большими, отвисшими грудями и девушки с золотыми кольцами, впивающимися в упругую гладкую черную кожу их рук... Большое кострище посреди деревни... Голые черные мужчины, раскрашенные для устрашения с головы до ног в яркие цвета, вооруженные копьями и барабанчиками, висящими у пояса...

Страшный грохот больших барабанов, украшенных перьями, трещоток, труб, бамбуковых флейт оглушал Энну. Каким далеким казался ей теперь Кхитай, куда отец возил ее! Какими изящными были кхитайские девушки – многие из них стали подругами Энны. Как изысканно был устроен дом, где остановился аквилонский купец с дочерью...

Отец! Мысль о нем невыносимой болью отзывалась в груди Энны. Несчастный! Как он, должно быть, страдает, обнаружив исчезновение дочери...

А может быть, безжалостные негодяи лишили его жизни? Кто знает – не было ли это для отца Энны благом... Ведь он души не чаял в своей единственной дочери!

По приказу Мгонги чернокожие женщины с кольцами в губах (видимо, это были местные красавицы) отвели Энну, едва живую от страха, в туземную хижину, где сидело еще около десятка женщин. Все они при виде белокурой красавицы вскочили, залопотали, удивленно притрагиваясь к ее ослепительно-белой коже, касаясь ее распущеных золотистых волос. Видно было, что эти дикарки никогда в жизни не видели аквилонцев и теперь не могли поверить, что перед ними – такое же человеческое существо, как и они сами. Впрочем, и сама Энна едва ли в состоянии была поверить в это.

Десяток ловких черных рук быстро сняли с Энны все ее одежду, не обращая внимания на ее ужас и попытки сопротивления. И вот уже она стоит среди них совершенно обнаженная.

Многочисленные юбки Энны мгновенно разошлись по женщинам. Каждой досталось хотя бы по лоскуту от ее одежды.

Затем гомон голосов смолк: женщины встали и начали почтительно кланяться кому-то.

Разглядев вновь вошедшего человека, Энна похолодела. Это была очень старая негритянка, седая и безобразная. Огромная жирная туша, увшанная с головы до ног многочисленными бусами, украшениями, амулетами, различными изображениями всяких туземных божков, перьями. Казалось, на Энну надвигается ожившая лавка раритетов, древностей и экзотических сувениров.

Могучая старая женщина уложила Энну на листья, расстеленные на полу хижины и, напевая и время от времени похлопывая в ладоши, принялась умазывать ее тело какими-то липкими благовониями.

Энна задыхалась. Казалось, этому ужасу не будет конца. Но вот наконец старая негритянка завершила свою работу. Энну, лосняющуюся от благовоний, совершенно голую, разрисованную с ног до головы красной краской, вывели на деревенскую улицу. Она была готова умереть со стыда. Неужели сейчас все увидят ее в этом непотребном виде? Увы! именно это и произошло.

Деревенские жители высыпали из своих конусообразных соломенных хижин, приветствуя Энну и старуху радостными криками. Девушка шла между двух своих стражей, дюжих негров, опустив голову и стараясь ни с кем не встречаться глазами. Ей казалось, что она попала в самое кошмарное из своих сновидений. О, если бы ей сейчас проснуться в своей постели, позвать служанку, одеться, выйти к утреннему кофе, обнять отца! К несчастью, это было невозможно...

Между тем негры влекли ее к зияющей черной расселине в скале. Это был вход в подземный лабиринт. И вскоре скала поглотила и негров, и их несчастную жертву.

По многочисленным переходам, ступенькам, лесенкам они продвигались вперед, в недра скалы. Вокруг теперь царила полная тьма, которую едва рассеивали коптящие факелы в руках у идущих впереди негров. Куда же ее ведут? Энна терялась в догадках. Каждая последующая была страшнее предыдущей.

Она пыталась осматриваться по сторонам. То и дело в неверном свете факелов она видела мелькавшую на стенах роспись. Какой-то неведомый древний художник оставил здесь стилизованные изображения людей, птиц. Некоторые картины показались Энне ужасными, другие притягивали взор странной, извращенной фантазией. Они не были лишены своеобразной прелести.

Постепенно чередование картин на стенах, мерный стук барабанов, ритм шага вводили девушку в транс. Она перестала дрожать, слезы высохли на ее прекрасных голубых глазах, на губах появилась слабая улыбка.

И вот шествие вступило в святая святых племени Мгонги, в таинственное святилище, о котором грезили золотоискатели и авантюристы, наводнившие Черные Королевства, Куш и Кешан.

Это был колодец в самом сердце скалы. Подняв голову, можно было увидеть далеко наверху черное бархатное небо. Но когда бы ни оказались

там люди – среди ночи или в самый жаркий и светлый полдень – небо над ними неизменно было ночным, и звезды располагались на этом небе так, как стояли они миллионы лет назад, в ту пору, когда этот колодец был только-только вырублен в скале.

Энна, оглушенная и ошеломленная, не замечала ничего этого. Она с удивлением оглядывалась в святилище.

Слухи о золотом или алмазном идоле оказались досужими. Здесь не было никакого золота. Стигийские работорговцы, грезившие пудами самородного золота, были бы чрезвычайно разочарованы, окажись они тут. Только голые отвесные стены и глиняный истукан – больше в святилище ничего не находилось. Во лбу истукана горел одинокий алмаз. Это был драгоценный камень изумительной красоты – но всего один. Из-за него не стали бы сходить с ума десятки людей, мечтавшие о несметных богатствах.

Само изображение божества также вызывало странные чувства. Оно словно бы нарочно отвечала наихудшим представлениям «цивилизованных» народов (к которым, несомненно, относились и аквилонцы) о дикарских идолах. Глиняный божок был чрезвычайно уродливым и свирепым с виду. У него было шесть рук, жирное отвисшее брюхо с оттопыренным пупком, шесть грудей, как у свиньи, кривые мускулистые ноги. Это отвратительное существо было связано и, казалось, отчаянно боролось, пытаясь освободиться.

Под гром барабанов и громкое пение Мгонга выступил вперед из толпы раскрашенных негров и воздел руки к идолу. Энна увидела, что он держит на раскрытых ладонях новую веревку, выкрашенную в яркие цвета и богато украшенную золотом, бусами и перьями. Проговорив нараспев какое-то заклинание, Мгонга заново связал идола и только после этого осторожно, не переставая напевать заклинания, снял с изображения старую веревку. Ее он с великими предосторожностями уложил в особый кожаный мешочек. Несколько музыкантов все это время ожесточенно трясли над Мгонгой своими трещотками.

После этого Мгонга – он, видимо, распоряжался остальными – сделал знак двум своим спутникам, державшим наготове большой кожаный мешок, сшитый из шкуры антилопы. Те с видимым усилием подтащили мешок к ногам божества и перевернули. Из мешка хлынуло золото. Оно потоком заливало кривые ноги идола и...

И бесследно исчезало! Пол святилища впитывал его, словно влагу!

Затем Мгонга обратился к божеству.

– Мы принесли тебе дары, о Бхати-Ног, – почтительно заговорил Мгонга. – Мы почтили тебя так, как ты просил. У тебя есть теперь новое

золото. У тебя есть теперь даже белая девушка, хотя добыть ее было непросто. Много храбрых воинов отдали свои жизни ради твоего удовлетворения. Теперь же мы просим тебя избавить нас от жадных собак-работорговцев и золотоискателей. Пусть они никогда не найдут сюда дороги! Пусть в срок придут дожди на наши поля, пусть в срок согреет нас солнце! Пусть дикие звери из джунглей не тронут наших детей! Пусть никто не повредит нашему урожаю, когда он взойдет! Дай нам жизнь, о Бхати-Ног!

Толпа пришла в движение. Размахивая копьями и перьями, негры ритмично распевали:

– О Бхати-Ног, останься с нами, останься с нами навсегда!

Идол слушал и – Энна готова была поклясться, что замечает это, – по его ужасному глиняному лицу бродила коварная улыбка...

* * *

Мгонга привязал Энну и еще одну черную девушку, раздетую, умащенную и раскрашенную, как она сама, к двум столбам, вбитым в каменный пол по обе стороны от идола. Веревка оставляла пленницам достаточно свободы, чтобы можно было прилечь на подстилку из листьев священного дерева дамма. Поклонившись идолу в последний раз, все ушли. В святилище остались только две пленницы, предназначенные – в этом не было сомнений – в жертву этому ужасному божеству.

Энна заснула только к рассвету и проснулась в слезах. Утро встретило ее сладкоголосым пением птиц, доносившимся сверху через расселину в скале. Ничего ужасного ночью не произошло – ни с Энной, ни с ее подругой по несчастью. Чернокожая девушка не хотела разговаривать с аквилонкой. Но Энна видела, что та не слишком испугана. Отчасти это успокоило дочь аквилонского купца.

Вскоре в святилище показались негритянки, разодетые в свои пышные одеяды из листьев и перьев, раскрашенные ритуальными узорами. Они несли на головах большие подносы, полные тропических фруктов. С громким пением они окружили обеих девушек, поставили свои подносы на каменный пол святилища и простерлись лиц перед идолом.

Затем одна из них поднялась. Энна с ужасом узнала в ней вчерашнюю гигантскую старуху. Улыбаясь и напевая сквозь сомкнутые губы, старая негритянка принялась умывать обеих пленниц и снова умастила их благовониями. Как ни странно, эта варварская процедура показалась Энне

довольно приятной. Она видела, что черные женщины относятся к ней с величайшим почтением – как, впрочем, и к ее «подруге», второй супруге (или, точнее сказать, жертве) безобразного божка.

Не переставая кланяться, женщины накормили обеих девушек, украсили их свежими цветами и удалились. По-видимому, они не замышляли ничего дурного. Энна незаметно для себя самой начала надеяться на избавление... на то, что ничего ужасного с ней не случится...

Может быть, бедным суеверным дикарям просто необходимо было подобрать для их идола подходящую «компанию» на какое-то время? Может быть, потом, когда идол вволю «пообщается» с двумя живыми человеческими существами, их – целыми и невредимыми – выпустят отсюда?

А может, чернокожие решили видеть в Энне «супругу» глиняного истукана? «Богиню»? Энна не знала, плакать ей или смеяться! Она, дочь аквилонского купца, бывавшая при дворах цивилизованных королей, – в роли «богини» какого-то забытого богами варварского племени!..

Однако вскоре Энна забыла обо всем на свете. Случайно подняв глаза к небу, она заметила склонившуюся над расщелиной фигуру какого-то человека. В свете звезд она разглядела только огненно-рыжие волосы, распущенные по плечам незнакомца. Изо всех сил Энна закричала:

– Помогите! Помогите!

Откуда эта уверенность, что рыжеволосая незнакомка придет к ней на помощь и спасет ее из этого ужасного места? Энна и сама не могла этого объяснить.

Однако именно таковы были намерения Рыжей Сони. Вкупе с намерением обогатиться... и кое-что узнать об этом таинственном идоле Мгонги. Об этом боже Мгонги, который может исцелить смертельные раны и вернуть человека из царства мертвых.

Рискуя жизнью, Соня вместе с Сирханом пробралась в селение Мгонги, выследив негров по следам. Всю ночь они пролежали в засаде, прислушиваясь к душераздирающему грохоту барабанов.

Мысль о том, что, быть может, сейчас безжалостные дикари приносят беззащитную девушку в жертву своему отвратительному божеству, приводила Соню в неописуемую ярость. Поневоле она представляла себя на месте жертвы. Соне доводилось видеть отвратительные ритуалы, принятые в некоторых варварских племенах. Все эти обряды унижали женщин, заставляли их отдавать свое тело на поругание мерзким божкам и их воплощениям – животным, которые в конце концов съедали несчастную кричащую жертву...

Несколько раз Соня была готова в буквальном смысле слова свалиться неграм на голову. Но сурово и по-мужски легла рука Сирхана на ее плечо. Да, гирканец прав. Полным безумием было бы обнаруживать свое присутствие сейчас, когда пещера кишит чернокожими воинами, вооруженными до зубов. Как долго тянулась эта ночь, полная неизвестности!

До самого утра Соня и гирканец обшаривали каждую щель в скале в надежде отыскать другой путь в таинственное святилище. О том, чтобы проникнуть туда через расщелину, куда вошел с процессией Мгонга, не могло быть и речи – главный вход тщательно охранялся.

Наконец Соня услышала крик Энны.

Соня окликнула Сирхана и рассказала ему о том, что слышала. Если бы аквилонка не позвала на помощь, вряд ли Соня сумела бы найти это отверстие в скале. Дно шахты скрывалось в глубокой тьме, так что разглядеть что-либо не представлялось возможным. Однако сомнений у Сони не было – Энна находилась там, в глубине. Соня узнала ее голос.

Посоветовавшись с Сирханом, Соня решила отправиться в лес и сплести из лиан прочную веревку, чтобы с наступлением темноты попытаться незамеченными проникнуть в святилище через колодец и вызволить Энну. И конечно же добыть сокровища.

* * *

Мгонга почувствовал что-то неладное. Почему Бхати-Ног не принял жертву? Почему обе девушки наутро оказались живы? Он поднялся на священный холм и вознес руки к небу. Долго стоял так Мгонга, распевая заклинания и молитвы, пока наконец весь мир не открылся перед жрецом как на ладони. И все-таки что-то было в этом мире не так...

Мгонга так и не смог проникнуть в эту тайну. Разгадка могла находиться только в одном месте – в святилище.

И жрец направился туда один, оставив свиту на ярком солнечном свету. Уверенно прошел по переходам и ступеням, вошел в святилище, пристально посмотрел на обеих пленниц...

* * *

Следующее утро оказалось для Энны ужасным. То был самый

страшный день в ее жизни. Ничто не предвещало такого пробуждения. Ночь прошла спокойна, ни один звук не потревожил сна пленницы. Как ни странно, она начинала смыкаться со своим положением. Но когда Энна открыла глаза, чудовищная картина предстала ее взору.

Чернокожая подруга Энны была мертва. Нет! Она была БОЛЕЕ, ЧЕМ МЕРТВА! Энна, оцепенев, смотрела, как мертвая девушка превращается в гигантское чудовище. Мех животного-оборотня был мокрым от крови, разорванным чудовищными когтями, внутренности выедены. Из лопаток выпирали неоформившиеся крылья, которые так и не успели вырасти. Однако уже сейчас можно было определить, что они напоминали бы крылья огромной черной летучей мыши. Труп корчился, словно со смертью муки для него не кончились. Прямо на глазах он начал разлагаться, исчезая с тихим шипением в мутной кровавой луже на полу святилища.

Энна почувствовала, как к горлу подступает тугой комок. Ее вырвало. Из широко распахнутых от ужаса глаз потоком хлынули слезы. Она кричала, рыдала, давилась – все одновременно, не в силах совладать с ужасом, который царил в этом жутком святилище и, казалось, охватывал ее со всех сторон своими ледяными крыльями...

Лучше бы ее сожрали дикие животные! Лучше бы ее продали на невольничих рынках похотливым стигийским вельможам! Лучше бы ей погибнуть в быстрых водах безымянной речки, которую переходил караван! Любая участь лучше этой ужасной, чудовищной нечеловеческой судьбы!

Когда к Энне снова явились женщины, чтобы поклониться идолу и омыть и переодеть пленницу, та встретила их взглядом, полным страха. Как могут они всю жизнь жить рядом с ЭТИМ? Как могут улыбаться, зная, что любая из них может оказаться жертвой чудовища?

Но в груди Энны продолжала теплиться надежда – абсурдная, невозможная...

Она не могла забыть о том, что видела ночью рыжеволосую воительницу. Может быть, незнакомка придет к ней на помощь. Лишь бы не оказалось слишком поздно...

И вот торжествующе загрохотали барабаны. По лестницам затопали шаги босых ног. В подземное святилище вошла процессия негров. Несомненно, Мгонга ведет к своему глиняному истукану новую жертву.

Энна заставила себя поднять глаза, чтобы посмотреть, кто обречен разделить ее страшную судьбу.

То была Рыжая Соня!

* * *

Рыжеволосая воительница была худа и утомлена. С ее виска капала кровь, одежда была разорвана и висела лохмотьями, которых постыдился бы самый отъявленный гирканский бродяга. Все в ее внешности выдавало следы отчаянной борьбы.

Но сейчас Соня не выказывала ни малейшей воли к сопротивлению. Казалось, она погружена в глубокий сон.

Мгонга, как всегда, невозмутимый и непроницаемый, привязал бесчувственную Соню к столбу, где еще совсем недавно сидела негритянская девушка. На полу не до конца еще высохла лужица крови – это было все, что осталось от несчастной жертвы.

Несмотря на то, что Соня очевидно не могла сейчас оказывать своим пленителям никакого сопротивления, она была тщательно связана по рукам и ногам. Видимо, негры преисполнились уважения к ее ловкости и отчаянной воле, которую Соня выказала, когда боролась за свою жизнь.

Как же она оказалась в пленау? Энне предстояло узнать это через несколько часов, когда Соня наконец очнулась и смогла говорить.

Соня решила проникнуть в пещеру по лестнице, сплетенной из лиан. Она спряталась в лесу, недалеко от деревни, и, набрав лиан, занялась изготовлением веревки. Сирхан куда-то ушел. Соня не опасалась, что ее товарищ ее бросит. Сейчас, когда они только начали свое безумное предприятие по добыванию фантастического сокровища связанного бога Соня и гирканский наемник – союзники и почти друзья, в той степени, насколько слово «друг» вообще применимо к людям типа Сирхана.

Не опасалась рыжеволосая воительница и подвоха со стороны своего союзника. Еще не время. Пока золото там, в недрах пещеры, пока они еще не придумали, как добраться до святая святых народа Мгонги...

Занятая этими размышлениями, Соня ловко плела веревку и связывала узлы там, где должны быть перекладины будущей лестницы. Ей пришлось потрудиться на славу. Для того, чтобы вытащить из подземного святилища Энну, нужна именно лестница. Соня ни минуты не тешила себя надеждой на то, что избалованная дочка аквилонского торговца кхитайскими шелками будет в состоянии взобраться на такую высоту просто по веревке с узлами.

Работа поглотила вскоре все мысли Рыжей Сони. Она тщательно проверила каждый узел, намотала лестницу из лиан на локоть и аккуратно сложила большой моток на землю. Что ж, теперь можно и передохнуть. До

заката остается еще несколько часов.

Соня с наслаждением растянулась на мягкой земле, слушая сладкоголосое пение тропических птиц. Да, у юга есть свои положительные стороны. Например, приятное тепло, веселое щебетанье птиц, яркие бабочки и сочные тропические фрукты. Еще бы не было этой одуряющей жары, что набрасывается на человека в полдень, точно дикий зверь, и терзает его до того часа, когда тени становятся более длинными.

Соня плохо переносила жару – сказывалось ее наполовину асирское происхождение. Однако ее силы воли хватало на то, чтобы stoически претерпевать даже душные полдни тропиков.

Лежа в тени деревьев, Соня улыбалась. Золото, драгоценные камни? Что ж, гирканский наемник набьет себе карманы. Изнемогая от жадности, утащит целый мешок – на здоровье! Сколько таких алчущих богатства искателей приключений встречала уже Соня на своем пути! И все они в самом лучшем случае пропивали большую часть добытых с риском для жизни денег, а на остаток, спохватившись, открывали таверну где-нибудь в тихом местечке.

Были и менее удачливые – те погибали, не успев насладиться роскошью и причудами состоятельной жизни.

Нет, конечно, Соня не откажется от десятка драгоценных безделушек. И золотые монеты не отягощают ее пояса. Золото вообще лишним не бывает – к этой мысли Соню приучила ее полная приключений бродячая жизнь.

Но главное... Главное – Соня чувствовала это кожей – жречество народа Мгонги владеет какой-то страшной тайной. Бессмертие? Может быть! Скорее, путь к бессмертию...

Ни один намек такого рода Соня не оставляла без внимания. Подобно искателю жемчуга, она раскрывала раковину за раковиной в поисках единственной прекрасной жемчужины.

Неожиданно Соня почувствовала, что за деревьями кто-то таится. Она не пошевелилась и ничем не выдала, что обнаружила присутствие соглядатая. И тем не менее теперь она была собрана и готова к бою.

Медленно, осторожно она переместила правую руку поближе к поясу, готовясь молниеносным движением выхватить кинжал.

Незваный гость не двигался с места. Он чего-то ждал.

Быстрым прыжком, как разворачивающаяся в атаке пустынная змея, Соня вскочила на ноги. В ее правой руке уже сверкал нож.

– Ни с места! – яростно крикнула она. – Кто ты? Я знаю, что ты здесь!

– Я здесь, – отозвался спокойный, даже ленивый голос.

– Выходи! – рявкнула Соня. – Только медленно. Одно неосторожное движение – и я наделаю лишних отверстий в твоей шкуре.

В просвете между деревьями показался Мгонга. Он улыбался.

– Привет, Соня, – молодой жрец кивнул разъяренной девушке. – Как тебе удалось обнаружить меня?

Соня презрительно усмехнулась.

– Чутье, – проговорила она с чувством легкого превосходства. – Слишком много времени я провела среди врагов, знаешь ли.

– Ну, я же тебе не враг, – протянул Мгонга.

Соня заметила, что он бросил быстрый взгляд на моток лестницы, сплетенной из лиан.

– А это что такое? – бесцеремонно осведомился Мгонга.

– А тебе какое дело? – огрызнулась Соня. – Я пока что не подчиняюсь твоему совету старейшин.

– Ты находишься на моей земле, белая женщина, – Мгонга стал очень серьезен. – С этим не шутят. Для чего тебе веревочная лестница?

– Ты похитил женщину, которая принадлежит моему племени, и хочешь принести ее в жертву своему богу, – парировала Соня.

– Я на своей земле, – повторил Мгонга.

– А женщина – моего народа, – заявила Соня и вызывающе посмотрела на черного жреца.

На самом деле в любом другом случае она скорее дала бы себя удушить, чем признала бы аквилонца человеком одной крови с собой. Но здесь, в черных землях, когда буквально под ногами горит некая древняя тайна... Соня была готова даже на такое признание!

В конце концов, несчастная Энна не виновата в том, что ее отец родом из ненавистной Аквилонии...

– Ты была здесь ночью, – задумчиво проговорил Мгонга.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Соня. – Ночью ты не мог меня видеть.

Мгонга загадочно усмехнулся. Его белые зубы блеснули на очень черном лице.

– Соня, Соня. Когда ты научишься наконец понимать, что шаман может видеть то, что скрыто от глаз обыкновенного воина?

– Я это знаю, – угрюмо отозвалась Соня.

– Ты – друг, – миролюбиво заметил Мгонга. – Вот, погляди. Я ничего от тебя не скрываю.

Он протянул ей шар, лежавший в его черной ладони. Соня недоверчиво заглянула в этот шар. Поначалу она ничего не видела, а затем

вдруг прозрачный, как стекло, магический предмет затуманился. В нем забурлил туман, сперва молочно-белый, затем с кровавыми прожилками – и неожиданно Соня увидела пещеру, изображение связанного бога и спящую на листьях священного дерева Энну.

– Ну? – спросил жрец, поглядывая на Соню с нескрываемой насмешкой. – Убедилась теперь?

– Я и не сомневалась, – заявила Соня. – Что с того? Да, я была здесь! Эта гора для меня не табу! Я не принадлежу к твоему народу, Мгонга!

– Ты была здесь ночью. Твои мысли были тревожны и проникали слишком глубоко. Бог был встревожен. Поэтому в первую ночь он не принял предложенную ему жертву. Я стоял на этом холме, заклиная луну и звезды дать мне ответ. Луна и звезды молчали. Я заклял ветер, и ветер принес мне ответ. Ты встревожила бога, и ночью ему было не до наслаждений, которых он ждал столь долго. Но мне удалось успокоить его. Он принял первую жертву. Он разбудил свой аппетит. Сегодня ночью он насладится второй девушки.

– Что он делает с жертвами? – содрогнувшись, спросила Соня. – Ты ведь можешь ответить мне на этот вопрос?

– Могу. – Жрец искоса глянул на Соню. В его больших черных глазах с голубоватыми белками вдруг мелькнуло дьявольское лукавство. – Другое дело – я не уверен в том, что тебе СЛЕДУЕТ это знать, Соня.

– Расскажи!

Мгонга пожал плечами, как бы подчиняясь неизбежному.

– Хорошо, хорошо, Соня Огненная Грифа. Сейчас ты все будешь знать. Связанный бог подманивает к себе девушку, и та приближается к нему... вплотную. Она ласкает его так, как он ей велит, и он испытывает наслаждение от ее покорности и ужаса. А затем он... – Мгонга сделал паузу и снова спросил: – Мне продолжать?

– Да, – ответила Соня сквозь зубы.

– Он поедает ее живьем. То, что остается после божественной трапезы, преобразуется и становится подобным... некоему существу...

Мгонга снова замолчал, закатив глаза к небу.

Соня, бледнея от гнева, молча ждала продолжения. Она видела, что негр получает настоящее удовольствие от ее нетерпения. Что ж. В последние годы Соня немало времени провела среди кочевников и дикарей – она умела выжидать.

Наконец Мгонга сказал:

– Это существо, на наш взгляд, отвратительно, но оно ласкает взоры божества... Он смотрит, как оно умирает. Когда оно перестает забавлять

повелителя, оно исчезает. Теперь твоё любопытство удовлетворено, Соня?

— Вполне, — ответила Соня хладнокровно.

— Ну что ж... — Мгонга еще раз пожал плечами. — В таком случае, скоро ты получишь бесценную возможность увидеть все это собственными глазами.

Соня не успела метнуть кинжал. Откуда-то из засады свистнула стрела. Соня почувствовала, как по всему телу разливается холод...

* * *

Сбивчивый, то и дело прерываемый рыданиями рассказ Энны подтвердил все самые худшие предположения Сони. То, что видела аквилонская девушка, полностью соответствовало злорадному повествованию черного жреца.

— Мы — всего лишь жертвы, жертвы, приведенные на убой этому ужасному монстру! — рыдала Энна.

Соня хмуро смотрела на свою подругу по несчастью. Но если Энна, изнеженная, выросшая среди кружев и шелков, готова была покориться судьбе — даже такой чудовищной, то Соня была совершенно иного десятка.

— Да, нас заманили в эту ловушку, — сказала Соня, вытирая кровь, запекшуюся на виске.

Она с удивлением обнаружила, что негры перевязали ее рану. Стрела лишь незначительно оцарапала кожу на левом плече, однако яд, содержащийся на наконечнике, попал в кровь и погрузил Соню в глубокий сон на несколько минут. Этого времени хватило, чтобы дюжие негры набросились на нее и связали по рукам и ногам. Когда Соня очнулась, она была уже совершенно беспомощной.

— Но я не вижу причин отчаиваться и уж тем более — отдавать свою жизнь на волю этого глиняного ублюдка, — продолжала Соня.

Энна сжалась и бросила на связанного бога испуганный взгляд.

— Не говори так, Соня! Ведь он все слышит!

— Что он может слышать? Не смеши меня, девушка! Это всего лишь истукан!

— Там, внутри... — Энна со страхом поглядывала на идола. — Там кто-то... живой... Более чем живой! И здесь все пропитано злой магией! Разве ты не чувствуешь этого?

— Я чувствую, что тебя перепугали до смерти, — ответила Соня. Ей не хотелось признаваться аквилонке, что и она сама, Рыжая Соня, испытывает

ужас при одной только мысли о том, какую чудовищную участь уготовила им извращенная фантазия Мгонги.

– Я ВИДЕЛА... – прошептала Энна. – О, Соня! Я это видела собственными глазами! Здесь... У того самого столба, где сейчас привязана ты, была черная девушка. Негритянка. Она даже не боялась. А наутро никакой девушки уже не было. Она превратилась в отвратительного монстра. Этот монстр был мертв. Он погиб ужасной смертью, ужасной! Его... его заели... по-моему, Соня, его заели заживо, – сейчас голос Энны шелестел еле слышно. Девушка дрожала всем телом. В ее голубых глазах застыл дикий страх.

– Ты что, сожалеешь о каком-то монстре? – спросила Соня, пытаясь придать своему голосу презрительную небрежность.

– Ты понимаешь меня! – Энна вспыхнула. – Ты отлично все понимаешь, Соня! Зачем ты прикидываешься дурочкой? В монстра превратилась та несчастная... И мы с тобой тоже... Сначала я, потом ты... Это ненасытное чудовище пожрет нас...

– Тише, тише, – успокаивающе произнесла Соня. – Я вовсе не прикидываюсь дурочкой, как ты изволила заметить. Просто не хочу, чтобы ты тряслась тут от страха, как перепуганная перепелка. Расскажи лучше о своей семье, о своем детстве. Чем ты займешься, когда мы выберемся отсюда? Есть ли у тебя жених?

Энна разрыдалась, как безмная.

– Какой жених! О чем ты говоришь! Как ты можешь так говорить, Соня! Ведь наутро одна из нас уже будет мертва!

– Ну, может быть, и не будет, – протянула Соня лениво, подражая выговору Мгонги.

Энна замерла.

– Что ты сказала? – прошептала она. В ее голубых глазах вновь вспыхнула надежда.

– Только то, что ты услышала. Есть некоторая вероятность того, что обе мы целыми и невредимыми встретим завтрашний рассвет.

– Но откуда... почему... – сбивчиво залепетала Энна.

– Не скажу. У этих стен могут быть уши, – решительно заявила Соня. Она почти не сомневалась в том, что Мгонга сейчас подглядывает за ними в свой магический шар. – А теперь давай мыть кости мужчинам, моя дорогая! Лучшего способа скрасить одиночество двух покинутых на милость связанного глиняного ублюдка девушек и не найти. А ты как считаешь?

* * *

– Проснись, Энна! Да проснись же, аквилонская неженка! Открой глазки! Ну, папина дочка, давай-давай, просыпайся!

Настойчивый шепот Сони в темноте святилища разбудил наконец Энну. Измученная страхами и переживаниями аквилонская девушка сама не заметила, как погрузилась в мертвый сон. Сейчас ее настойчиво трясли и шептали ей на ухо.

– Что случи... – вскрикнула Энна. Чья-то рука зажала ей рот.

– Тише, – сурово прошептал мужской голос.

– Кто здесь? – повторила Энна, на этот раз еле слышно.

– Сирхан. – Гирканец хохотнул.

– А Соня?

– Здесь твоя Соня.

– Я тебе не верю... Соня! – позвала девушка.

– Да здесь я, здесь, – отозвалась в темноте Рыжая Соня. – Дай кресало, Сирхан. Здесь темно, как... у Мгонги в заднице.

Сирхан зажег наконец факел, осветив и подземную пещеру, и отвратительного божка, и бледные лица обеих девушек. В открытом к звездному небу колодце висела веревочная лестница. Мгонга так и не забрал ее. Видимо, жрец решил, что опасность похищения пленницы миновала, и беспечно бросил изделие ловких сониных рук в лесу, там, где отправленная стрела настигла рыжеволосую воительницу.

– Скорей! – начала торопить Энна. – Выберемся из этого ужасного места! Пожалуйста!

– Еще чего, – возмутился Сирхан. – Я нарочно рисковал жизнью, лез сюда, едва не свалился в пропасть, едва не погиб от отправленной стрелы этих чернокожих мерзавцев – да мало ли еще каких бед натерпелся! И все ради того, чтобы сбежать?

– Разве ты пришел не для того, чтобы спасти нас? – Энна удивленно подняла брови.

Сирхан от души расхохотался.

– Повезет же твоему мужу, девушка! Ты, как я погляжу, девственна не только телом, но и умом. Стал бы такой пройдоха, как я, ставить на кон свою бесценную жизнь ради двух безмозглых куриц.

– Гм, – произнесла Рыжая Соня.

Гирканец на мгновение смешался, но его смущение тотчас же развеялось. Он широко, нахально улыбнулся.

– Ради ОДНОЙ безмозглой курицы и ради одной курицы с мозгами, – поправился он. – Словом, я хочу сказать...

– Словом, он хочет ограбить этого сластолюбивого поедателя монстров, – заключила Соня, кивнув в сторону идола. – Я полагаю, кстати, что нам с Энной тоже причитается своя доля.

– Здесь хватило бы на всех, – прошептала Энна. – Боги! Я совсем забыла о золоте, о драгоценных камнях! Они перепугали меня до полусмерти...

– А дочери купца не следовало бы забывать о богатствах, не так ли? – усмехнулся Сирхан. – Тем более что обогатиться можно быстро и легко.

– Сомневаюсь, чтобы так уж легко, – покачала головой Соня. – Для начала, никто из нас не видит здесь никаких богатств.

– Я видела, – начала Энна.

Соня и Сирхан, как по команде, одновременно повернулись к ней.

– Да? – ободряюще произнес Сирхан. – И что ты видела? Говори, не бойся.

– Когда они привели нас сюда, в это святилище, – неуверенно произнесла Энна и снова замолчала. Она явно колебалась.

Соня заметила ее нерешительность и решила приободрить девушку.

– Почему ты замолчала, Энна? Чего ты опасаешься?

– Что вы не поверите и поднимете меня на смех.

Сирхан ударил себя по бедру и расхохотался.

– Нашла, чего опасаться! Мы, милочка, не в том положении, чтобы трястись за хорошие манеры. Ну, что ты видела?

– Мы не будем насмехаться, что бы ты ни сказала, – твердо обещала Соня. – Пусть даже твой рассказ поначалу покажется нам невероятным. Плодом большой фантазии или бредом.

– Хорошо. – Энна решительно тряхнула белокурыми волосами. – Я видела, как негры выссыпали сюда, на пол, под ноги идолу целый мешок драгоценностей и золотых монет.

– И куда же все это подевалось? – жадно спросил Сирхан, блуждая глазами по подземной пещере.

– Оно... оно все впиталось в пол, – сказала Энна. – Оно где-то здесь. Невидимое. Может быть, действительно под полом... Или в самом идоле. Если там скрывается живое существо, как утверждает Соня...

– Я не утверждаю, – перебила Соня, – я только высказалась предположение.

– Неважно. Может быть, это существо, связанный бог, пожирает драгоценности, – продолжала Энна. Ей льстило напряженное внимание ее

слушателей. Она говорила все увереннее и громче. – Как бы то ни было, а золото и камни – здесь. И я видела их собственными глазами.

Все трое помолчали, обдумывая план дальнейших действий. Наконец Сирхан заявил:

– Да что тут долго голову ломать! Я так полагаю: если идола развязать да своротить, можно поглядеть, что делается внизу. Может, там-то все и хранится. Может, оно туда скатилось... по желобкам или еще каким-то образом...

– Может быть... – задумчиво проговорила Соня. – Я вот думаю: почему негры связывают своего бога? Уж не опасен ли он настолько, что они предпочитают держать его пленным? И какие силы высвободятся, если мы снимем веревку? Не накличем ли мы страшную беду?

– На кого? – спросил Сирхан, кривя губы. – На этих жалких дикарей? Туда им и дорога, между нами говоря!

– Да дьявол с ними, с дикарями! – взорвалась Соня. – Не погибнем ли мы сами от клыков и когтей этого чудища, которое предпочитает превращать своих сексуальных партнерш в отвратительных монстров и пожирать их во время совокупления!

– В монстров? – озадаченно переспросил Сирхан. – И он пожирает их, ты говоришь? Гм, странный вкус... – Гирканец смерил глиняного идола взглядом, в котором неожиданно мелькнуло что-то вроде насмешливого уважения. – По крайней мере, это что-то новенькое.

– Перестань дурачиться! – прикрикнула на своего товарища Соня. – Это не шутки.

Гирканец вздохнул.

– Понимаю, что не шутки. Какие уж тут шутки, если монстры... И все же я бы рискнул, Соня. Огромные богатства! Горы золота и бриллиантов! Мы сможем купить себе по дворцу где-нибудь в Аренджуне и жить беспечно, среди наслаждений, фонтанов, красивых женщин и противно орующих павлинов с роскошными хвостами!

Соня кривовато улыбнулась. Сколько раз уже она выслушивала подобные мечты от своих спутников, непутевых искателей нахивы, рыцарей больших дорог! И никто из них не купил себе дворца. Самое большое – таверну или дом где-нибудь в сельской местности.

– Ты окочуришься со скуки в этом дворце, Сирхан, – сказала Соня. – Тебе будет не хватать этой жизни, полной лишений и приключений.

– Ну, изредка, чтобы поразмять косточки, я буду развлекать себя работорговлей, – утешил Соню Сирхан. – Хватит болтовни. Помоги-ка мне, Соня.

С этими словами гирканец решительно направился к идолу и начал снимать с него веревку. Он долго возился с причудливыми узлами, которые вывязывал на идоле жрец. Наконец веревка поддалась.

– Да разрежь ты ее! – нетерпеливо сказала Соня.

– Еще чего! – возразил Сирхан. – Веревка, девочка моя, в иных ситуациях вещь совершенно бесценная. Дороже золота.

– Знаю, – проворчала Соня. Ей не хотелось сейчас признавать свой промах.

– То-то же. – Сирхан снял веревку с истукана и, смотав ее, повесил себе на пояс. – А теперь вперед!

Большой алмаз, вделанный во лбу глиняного истукана, вдруг загорелся кровавым пламенем, но ни Соня, ни Сирхан этого не заметили.

* * *

– Глядите! – возбужденно проговорил Сирхан, указывая на подземный ход, открывшийся им после того, как глиняный идол был опрокинут.

Крутые ступени уводили вниз, в загробную черноту.

– Дай мне факел, Соня! – крикнул Сирхан. Его ноздри алчно раздувались. – Ячу запах золота! Клянусь всеми богами, ячу здесь запах большой поживы! Ах, как сладостно здесь пахнет!

– По-моему, здесь разит гнилью, затхлым воздухом и летучими мышами, – содрогаясь всем телом, заявила Энна.

Соня обменялась с ней понимающим взглядом.

– Я тоже терпеть не могу летучих мышей, – сказала она, намереваясь поддержать аквилонскую девушку. Пусть она хотя бы не чувствует себя одинокой в своих страхах! – Но что поделаешь? Если уж мужчине взбрело в голову забраться в подземелье, то не нам с тобой становиться у него на пути. Лучше подчиниться.

Сирхан изумленно поднял брови.

– Ты издеваешься, Соня?

– Отнюдь.

Однако Сирхан продолжал глядеть на нее с подозрением, справедливо подозревая какой-то скрытый подвох со стороны Сони. Наконец он подмигнул своей приятельнице.

– Ладно. Давай сюда факел и полезли.

Соня протянула ему горящий, коптящий факел. По стенам святилища запрыгали фантастические тени. В их неверном свете Энне вдруг

показалось, что связанный – теперь уже освобожденный! – глиняный божок отвратительно ухмыляется.

– Я пойду первым, – заявил Сирхан. – Энна посередине. Соня, ты замыкаешь. Прислушивайся хорошенъко. Вдруг проклятые черномазые что-то почуяли и отправили за нами погоню? Хотя я думаю, раньше, чем настанет утро, ни один из них не сунет сюда свой приплюснутый нос.

С этой оптимистической речью Сирхан начал спускаться по ступенькам.

* * *

Казалось, не будет конца этому спуску. Виток за витком лестница уводила трех искателей золота в глубину, в самые недра земли. Что ждало их впереди – ужасная гибель, разочарование, победа?

В любом случае, раз уж они начали, необходимо довести дело до конца.

У Энны начала кружиться голова. Она потеряла счет ступенькам. Ей казалось, что она погружается в глубины преисподней.

Должно быть, подобное же чувство испытывала и Соня, потому что неожиданно рыжеволосая воительница нарушила молчание, сказав:

– Похоже, мы направляемся прямиком в недра ада!

Сирхан хмыкнул.

– Погоди немного, Соня. Может быть, этот ад обернется для нас самым настоящим золотым раем!

– Или могилой, – прошептала Энна. Сейчас ей было просто страшно. Дочь аквилонского купца отдала бы все сокровища народа Мгонги за простое счастье прижаться к отцовской груди, за обыкновенную радость проснуться у себя дома, в чистой постели. Увы, сейчас все это казалось ей недосягаемой мечтой.

– Мы спустились! – крикнул идущий впереди Сирхан. – Я ступил на ровный пол. Идите за мной.

– Подожди нас, – сердито попросила Соня. – Не беги вперед. Идти – так уж всем вместе.

– Ну, давайте быстрее, копуши! – Сирхан поднял коптящий факел высоко над головой, освещая длинный коридор, в котором оказались беглецы. – Тут что-то интересное, потрохами чую!

– Как бы эти твои любопытные потроха не намотали на жертвенное копье, – проворчала Соня. – Ты шумишь, как пятьдесят слонов на водопое,

Сирхан. Веди себя потише. В конце концов, мы ворвались в святая святых чужого народа. Кто знает, может быть, здесь стоит бдительная охрана?

– Пока что эта охрана была не слишком бдительной, – возразил Сирхан.

– Ждут, пока мы подойдем поближе, – предположила Энна.

Сирхан удостоил ее насмешливой улыбки.

– Ого, девушка, а ты у нас, оказывается, бывалый авантюрист, как я погляжу! – фыркнул гирканец. – Нет, говорю тебе: любая охрана давно уже с улюлюканьем принялась бы обстреливать нас отравленными стрелами или дротиками!

– Не любая, – возразила Соня. – Но хватит болтовни. Идем.

– Можно подумать, это я тут стоял и трепал языком, – недовольно проворчал Сирхан, направляясь вперед. – Не отставайте, подружки. Не то я заберу все золото сам.

– Тебе не унести всего, что там находится, – проговорила Энна. – Ты даже представить себе не можешь, СКОЛЬКО там драгоценностей! Если, конечно, мы их отыщем...

Подземный ход был достаточно высоким, чтобы мужчина среднего роста мог пройти по нему, не наклоняя головы. Конец коридора терялся в бесконечной тьме.

– Какой длинный! – прошептала Энна.

Они шли и шли, а коридор все не заканчивался. Куда он ведет? Далеко за пределы деревни? В пещеры? В джунгли, где рыщут одни только дикие звери?

Неожиданно впереди мелькнул свет. Сирхан остановился, подняв руку. Девушки замерли, как по команде.

– Там кто-то есть, – прошептал Сирхан.

– Идет сюда? – спросила Соня.

– Нет, он неподвижен... кажется. В любом случае он нас уже заметил.

– Наш факел не заметить мудрено, – заметила Соня. – Но таиться смысла не имело.

– Да уж. Мы в конце концов разорили их святилище, – согласился Сирхан.

– Это отвратительное, нечеловеческое место, – содрогаясь, прошептала Энна. – Надо было бы уничтожить его совсем...

– Ну, все! Не хватало еще, чтобы ты тут рассоплившись! – прикрикнул на девушку Сирхан. – Утри глазки и вперед, на врага! – Заметив, что Энна глядит вперед с нескрываемым испугом, гирканец добавил: – А как ты хотела? Никто не подаст тебе сокровища за здоровово живешь. Любое

богатство нужно заработать.

– ЗАРАБОТАТЬ? – насмешливо переспросила Соня. – От кого я это слышу, господин грабитель?

Их спор был прерван.

Светящееся пятно впереди неожиданно переместилось и теперь оно плясало всего в пяти шагах от троих беглецов.

– Что это? – шепнула Энна.

– Молчи. – Соня быстро препроводила девушку себе за спину. – Не высовывайся. Я постараюсь прикрыть тебя.

Хищно оскалившись, Сирхан потянулся за спину и извлек из ножен свою кривую саблю. В руке у Сони уже блестел кинжал.

Неровные очертания светового пятна впереди постепенно приобретали форму.

– Да это же наш старый приятель Мгонга! – воскликнула Соня. – Кажется, он опередил нас!

– Соня! – прошипел жрец, окруженный сиянием. – И ты, нечестивый гирканец! И ты, глупая белокурая девка! Все вы умрете! Вы – пища для нашего бога!

– Твой бог – всего лишь глиняный истукан! – возразила Соня. – Мы отбросили его в сторону как ненужный хлам. Он мешал нам!

– Глупцы! – проскрежетал Мгонга. – О, какие же вы глупцы, белые люди! Вы недооцениваете силу черных богов!

– Твои черные боги – тьфу против добной гирканской сабли! – проревел Сирхан.

Но Мгонга никак не отреагировал на вызов. Черные глаза жреца остановились на мотке веревки, висевшем на поясе гирканца.

– Что это? – спросил Мгонга, указывая на веревку.

– Не видишь, что ли, ты, глупый негр! – ответил Сирхан, поднимая саблю. – Веревка, которой я свяжу твои руки и ноги... Впрочем, когда я закончу развлекаться с тобой, падаль, связывать будет уже нечего. Клянусь богами, я отрублю тебе паучьи лапы и брошу их на съедение крысам!

Но и сейчас Мгонга остался равнодушен к оскорблению, которыми осыпал его гирканец.

– Ты... Вы развязали нашего бога? Вы что, осмелились снять с него путы?

– Ну и что такого? – с вызовом спросил Сирхан. – Божок был привязан, а мы хотели проникнуть сюда. Угадай, кстати, зачем?

– Безумцы! Вас соблазнил блеск сокровищ, и вы выпустили на волю чудище!

– Чудище? – насмешливо повторил вслед за жрецом Сирхан. – Так вот как ты именуешь своего божка, черномазый! А я-то думал, ты почитаешь его!

– Я отношусь к нему так, как он заслуживает! – резко возразил Мгонга. – С почтением – ибо он могуч; с ненавистью – ибо он жесток; с любовью – ибо он дарует нашему народу благость урожаев. Не тебе судить, авантюрист без семьи, без родины, без прошлого и будущего, – не такому, как ты, судить моего бога, обычай и верования моего народа!

Сияние вокруг Мгонги наконец померкло. Стало видно, что жрец стоит перед своими противниками совершенно обнаженный. Лишь белые спирали раскраски украшали его черные бедра, а низ живота был испещрен крупными красными точками, нанесенными охряной краской. В руке жрец связанного бога держал длинное копье.

– Он нарочно выигрывал время, чтобы подготовиться к битве! – крикнула Рыжая Соня, которая только сейчас разгадала коварный замысел Мгонги.

Испустив громкий душераздирающий боевой клич, Мгонга ринулся с копьем на Сирхана. Гирканец отступил на шаг в сторону и в свою очередь нанес противнику рубящий удар своей кривой саблей.

Брызнула кровь. Мгонга взревел и развернулся, размахивая копьем. В этот момент Соня, визжа, как дикая кошка, набросилась на негра и вонзила кинжал ему под лопатку.

– Получи, предатель! – вскрикнула она.

Мгонга повернулся к ней лицо, полное боли и удивления. Соня отступила на шаг. Мгонга рухнул на пол, к ногам своих врагов.

– Свяжи его, – проговорила Соня, тяжело переводя дыхание.

Сирхан быстро опутал руки и ноги поверженного жреца веревкой, которую снял с пояса.

Слабо корчась, Мгонга проговорил:

– Глупцы...

Он закрыл глаза и, казалось, потерял сознание.

– Вперед, – сказала Соня. – Заберем сокровища и вернемся к нему.

Сирхан удивленно уставился на свою приятельницу.

– Ты что, хочешь забрать его отсюда? Этого черномазого людоеда?

– Он по-своему честен, – признала Соня.

– Разве ты только что не назвала его предателем? – Удивлению Сирхана не было предела.

– Назвала... Ладно, о чем мы спорим? Пошли. Я уверена, что сокровища – там, впереди.

Соня побежала по коридору.

* * *

Они оказались в просторной пещере где-то глубоко под землей. Это было еще одно святилище, о существовании которого – Соня была в этом уверена – из всего племени знали только жрецы.

Посреди совершенно голой пустой пещеры стоял каменный саркофаг, вырубленный в скальной породе в незапамятные времена. Странные узоры – может быть, письмена давно исчезнувшего народа? – украшали высокие стены саркофага. Тяжелая крышка с вырезанным на ней изображением безобразного чудовища – точь-в-точь подобного тому, в которое превратилась несчастная чернокожая девушка, – была сдвинута в сторону.

Сирхан подошел, попытался отодвинуть крышку еще дальше, но как ни напрягал мышцы гирканский воин, ему не удалось даже пошевелить тяжелую крышку.

– Проклятье! Да она неподъемная! – удивленно вскрикнул Сирхан. – Какой это силищей надо обладать, чтобы сдвинуть эту машину с места?

Соня не ответила. Ей показалось, что она начинает понимать смысл бессвязных предостережений Мгонги, и холодок пробежал у нее по спине.

– Смотрите! – вскрикнула Энна.

Соня резко повернулась, ожидая увидеть какое-нибудь чудовище... И замерла.

Из-под земли, из голых стен пещеры начали прступать алмазы и золотые слитки. Сокровища, впитанные святилищем за столетия поклонения связанныму богу, вываливались из стен, из потолка. Вскоре на трех искателей приключений хлынул настоящий дождь алмазов, рубинов, изумрудов, жемчугов, золотых и серебряных колец, ожерелий, диадем...

Защищаясь от этого ливня, все трои спрятались в саркофаг и прижалась друг к другу.

– Хорошо, что эта крышка такая прочная, – проворчал Сирхан. – Иначе нам раздробило бы все кости.

– Да, – раздался наверху чей-то голос. – Крышка прочная.

С этими словами неведомый враг легко сдвинул крышку и запер Соню, Сирхана и Энну в каменном саркофаге.

Они оказались в ловушке!

* * *

Ужас объял всех троих. В наступившей тишине слышно было, как постукивают зубы гирканца, как всхлипывает Энна. Соня молчала. Покусывая губы, она проклинала себя за непредусмотрительность.

Кто же запер их здесь? У кого хватило сил сдвинуть крышку каменного гроба?

Неужели Мгонга? Но жрец был ранен и связан по рукам и ногам...

Может быть... Может быть, это был сам божок? Какое же обличье он принял – отвратительного монстра или могучего человека?

Они в западне, и сейчас надо быстро решать, как отсюда выбраться.

– Может быть, попробуем поднять ее? – предложил Сирхан. – Втроем.

– Ее и вдесятером не сдвинешь, – возразила Соня. – Нет, надо вступить в переговоры с нашим пленителем. Узнать хотя бы, каковы его цели.

Над крышкой разнесся громкий хохот.

– Каковы мои цели? Ах вы, жалкие черви! Моя цель – выйти на свободу! Другой у меня нет – уже несколько тысячелетий как я страдаю, вынужденный выполнять ничтожные желания ничтожного племени. Иногда меня балуют – подсовывают очередную дрожащую и ревущую от страха девку, чтобы я потешился. Все они скучны и ленивы, ни одна еще не доставила мне настоящего наслаждения. Глупые негры!

– Ты – бог? – спросила Соня.

– Бог? – Тот, наверху, казалось, был очень удивлен этим вопросом. – Конечно, нет! Что за дурацкая мысль! Я – сверхсущество, дэв, демон, назови как хочешь, но не бог. Я был неосторожен, они поймали меня и связали... А теперь вы освободили меня.

– Зачем же ты держишь нас в плену? – спросила Соня. – Ты ведь знаешь, что это мы сняли с тебя путы!

– Да! И опутали ими этого бедного дурака Мгонгу, моего жреца! – Демон расхохотался. – Он думает, что я приду к нему на помощь, что исцелю его раны, как делал это прежде! Несчастный болван! Нет, я оставлю его подыхать – вот что я сделаю!

– Туда ему и дорога, – проворчал Сирхан.

Демон не рассыпал. Он упивался обретенной свободой.

– И теперь ЕГО дух будет заключен в оболочке глиняного истукана! – ликовал освобожденный демон. – Теперь сам Мгонга отведает, каково томиться день и ночь в пленах, каково выслушивать разные глупости, которые несут безмозглые чернокожие жрецы и их жирные девки! Каково

наслаждаться любовью с трясущейся от ужаса дурой, которая не умеет даже как следует приласкать мужчину! Теперь ЕГО дух займет мое место – поделом ему!

Демон рассмеялся. Судя по грохоту и звону, он пустился в пляс, погружая свои огромные ноги по колено в ворох драгоценностей.

Соня решилась вновь подать голос.

– Выпусти нас отсюда! – попросила она. – Мы возьмем немного драгоценных камней в награду за то, что сняли с тебя путы, и уйдем отсюда!

– И больше вам ничего не нужно? – спросил демон.

– Нет! – ответила Соня. – Клянусь! Только свобода и немного золота.

Демон призадумался, а потом объявил:

– Или одно, или другое. Выбирайте.

– Тут и выбирать нечего, – кисло проговорил Сирхан. – Золото ни к чему, если нет свободы...

– Свобода! – крикнула Соня, опасаясь, что демон передумает.

– Свобода, – прошептала Энна.

– Хорошо, – милостиво позволил демон. – Я отпускаю вас. – И добавил, ухмыляясь: – До встречи...

* * *

Мгонга извивался в своих путах. Снова и снова взывал он к божеству, которому служил ссызмальства, еще будучи подручным своего отца, старого шамана. О, Мбонга, отец Мгонги, был великим жрецом! Он никогда не позволил бы чужакам с отвратительно бледной, как могильный червь, кожей проникнуть в святилище и осквернить его!

Добыть для связанного бога белокожую супругу – каким ужасающе нелепым, каким роковым оказался этот замысел для всего народа Мгонги! Лишь теперь молодой чернокожий жрец осознал это в полной мере.

Много столетий назад черные шаманы, объединившись, начали великую охоту. Они выследили древнего бога, они загнали его, как дикого зверя, и тот попал в тщательно приготовленную для него магическую ловушку.

И вот теперь все их усилия пропали втуне. И все из-за поспешности решений, принятых Мгонгой, его неопытности и желания услужить божеству!

Мгонга перестал извиваться и затих. Веревка больно впивалась в его

тело. Молодому чернокожему жрецу вдруг показалось, что он как будто сделался крупнее телом... Что происходит? Должно быть, что-то ужасное!

Мгонга попытался крикнуть, но влажная липкая глина забила ему рот. Языка и зубов больше не было – они превратились в глиняные комки, размоченные слюной.

От ужаса глаза Мгонги вылезали из орбит. Зрение его тоже изменилось. Теперь он видел не то, что находился в поле его зрения, здесь и сейчас. Он различал бездны и пики каких-то иных, древних времен. Ему был внятен ход звезд, но и звезды располагались на небе иначе – не так, как во времена какого-то там Мгонги...

Ему было больно и неудобно. Ноги затекли. Руки больше не слушались. Пальцы, всегда такие ловкие, исчезли. Они просто рассыпались прахом. Уродливые беспалые лапы еще шевелились, стянутые веревкой, и бессильно скребли пол пещеры.

Мгонга еще раз попытался крикнуть. Из его груди вырвалось нечеловеческое рыдание.

Он ощущил жгучий голод. Он хотел есть! Вся его новая, мощная, демоническая плоть изнемогала от голода. И еще его разрывала на части похоть. Его бедра непроизвольно тряслись и содрогались. Он вертелся и стонал, пытаясь хоть как-то погасить этот пожар. Тщетно! Какая-то часть сознания Мгонги, который уже не был больше Мгонгой, отдавала себе отчет в том, что насытить этот голод ему не удастся теперь никогда.

Может быть, минут сотни лет, прежде чем люди отыщут в этих пещерах – ведомые древними преданиями и легендами своего народа – вечно жаждущего глиняного истукана. Они водрузят его на пьедестал, начнут приносить ему жертвы, класть к его ногам подношения... И вечно держать его в плена, связанным!

А он должен будет насытить дожди на их поля и следить за тем, чтобы их скотина была мясной и плодовитой!

Мгонга закрыл глаза, тщетно борясь с отчаянием. Да, он обрел то, о чем люди могли только мечтать, отдавая годы и годы на овладение мистическими тайнами. Он стал бессмертным.

И чего не отдал бы сейчас чернокожий жрец за то, чтобы от этого проклятого дара избавиться!

* * *

Соня не могла понять, во сне все происходит или наяву, бредит она

или грезит. Вместе со своими спутниками, Сирханом и Энной, Соня оказалась в ловушке. Оживший истукан запер их в саркофаге. Кем он был, этот «связанный бог»? Древним демоном? Таинственным вместилищем каких-то мистических сил? Какая, в сущности, разница!

Теперь Соню занимало совсем другое – как отсюда выбраться? В том положении, в котором она оказалась, ей явно было не до мистических тайн!

Тесный саркофаг неожиданно перестал казаться гробом. Соня словно бы проваливалась куда-то... Внезапно, как сквозь пелену, она увидела впереди широкую темную равнину, по которой, колеблемые ветром, бродили чьи-то тени... Где-то далеко впереди горел костер. Он горел тускло, словно Соня смотрела на пламя сквозь закопченное стекло.

И кто-то шел на огонь, простирая к пламени руки, точно загипнотизированный или влекомый неведомой грозной силой. Соня хотела окликнуть его, но не смогла – язык словно прирос к гортани...

* * *

Сирхан слышал пение. Пел женский голос, пронзительный, тонкий, завораживающий. Было в этом пении что-то пугающее, словно оно звучало прямо из преисподней, но слышалось в нем и другое: обещание неземного блаженства. Высокий голос загадочной невидимой певицы проникал в самую душу Сирхана, он манил, тянул, звал к себе...

Сирхан не понимал, где он находится. Да это его и не беспокоило. Он уже утратил всякую способность рассуждать. Он просто ЗНАЛ, что не пойти на властный призыв выше его сил.

* * *

Энна билась в руках работорговцев. Они напали на нее неожиданно, когда она прогуливалась по саду в доме своего отца – еще там, в Китае. Беседки, увешанные по карнизам колокольчиками, дрожали, словно в испуге, и серебряные и медные колокольчики и бубенцы громко пели вразнобой.

Бородатые люди с завязанными лицами, так что видны были только их сверкающие безжалостные глаза, высказывали отовсюду: из фонтана, из беседок, из кустов, из маленьких клумб, где красиво были рассажены яркие

экзотические растения, встречающиеся только на Востоке.

Совсем близко Энна увидела чье-то черное лицо. Оно скалило зубы в ужасной ухмылке.

Энна закричала, рванулась...

И вдруг хватка ослабла. Кто-то расшвыривал негодяев, одного за другим, и те падали на дорожки сада. Упав, они больше не могли подняться – что-то не позволяло им даже шевельнуться. Какая-то неведомая сила, спасшая Энну в последний миг, пригвоздила их навсегда к земле, где они и корчились, бессильно проклиная все на свете.

Энна смотрела, как они корчатся, как бьют руками и ногами, не имея возможности даже оторвать от земли голову, и вдруг начала смеяться. От этого безудержного веселья тело ее словно наполнилось каким-то легким светом...

Она увидела ЕГО – человека, который спас ее от насилия и всего того ужаса, что пришлось бы пережить Энне, если бы работорговцам удалось схватить ее.

Этот человек... Лицо его терялось в тумане. Но Энна ощущала теплоту и властный призыв, исходящие от него. Девушка встала и пошла навстречу своему спасителю, радостно простирая к нему руки...

* * *

Соня проваливалась в небытие. Спала ли она? Грезила ли? Что происходило с ней, пока она была заперта в тесном саркофаге, в пещере, где томился связанный бог? Может быть, коварные чернокожие жрецы наполнили воздух наркотическими отравляющими туманами?

Или это коварство самого связанного бога, которого люди освободили столь опрометчиво?

Она не могла ответить на этот вопрос. Внезапно она очнулась и получила горькую радость в полной мере изучить свое положение, которое можно было назвать только «бедственным».

Она находилась в саркофаге. Запертая. Крышка над головой была неподъемно тяжелой – еще бы, ведь ее изваяли из цельной каменной глыбы много столетий назад! Сдвинуть ее под силу было лишь богу... или демону? Соня затруднялась определить ту дьявольскую силу, которую народ Мгонги держал у себя в плену.

Ни Сирхана, ни Энны рядом не было.

Соня содрогнулась. Сперва она заставила себя медленно вдохнуть и

выдохнуть несколько раз, затем, не спеша, прочитала первый попавшийся на ум детский стишок – чтобы выровнять дыхание и прийти в себя.

Только после этого она еще раз огляделась в почти кромешной тьме и пошарила вокруг руками.

Пустота.

– Энна! Сирхан! – позвала Соня, заранее зная уже, что на ее призыв никто не ответит.

Холодная испарина покрыла лоб Сони. Куда исчезли ее спутники? Они ведь были с нею! Более того – Соня была убеждена в том, что покинуть саркофаг они не могли. Это невозможно. Ведь они втроем пытались поднять крышку и убедились в том, что такое не под силу трем людям.

Остается предположить худшее.

Но что именно? На этот вопрос у Рыжей Сони не находилось ответа.

Неожиданно ее ищащие руки нащупали что-то в темноте. Это что-то было липким и твердым. Соня еще раз провела по «этому» пальцами и прикусила губу, едва сдерживая вопль: под ее ладонью оказался обглоданный человеческий череп. Влагой была кровь!

Теперь Соня не сомневалась в том, что ее спутники погибли. Но каким образом? Какой зверь проник в саркофаг и убил их? И почему он пощадил саму Соню?

* * *

И снова она, как сквозь туман, видела темную равнину. Какой-то зверь быстрыми прыжками убегал от растерзанного трупа, в котором Соня смутно различала Сирхана. Да, конечно! Здесь, на равнине, и произошло все самое ужасное. Энна и Сирхан поддались на зов и погибли. Теперь Соне это почему-то казалось ни странным, ни сверхъестественным. Может быть, потому, что она и сама стояла на этой мрачной равнине и слышала какой-то невнятный зов.

Ее звала мать... Ее окликнул отец...

Соня стиснула зубы.

– Это ты, связанный? – спросила она наугад. – Ведь это ты мстишь нам всем, убивая нас по очереди? Ведь это ты заманиваешь нас сюда, в долину смерти, и уничтожаешь? Какую ловушку ты приготовил Сирхану? А Энне? Они не смогли устоять перед твоим зовом!

Связанный бог – если только это действительно был он – не ответил. Вместо этого голос матери еще раз окликнул Соню по имени. Затем мать

тяжело, горестно вздохнула.

– Дочка... – донесся и зов отца.

Ох, только не это! Сколько же времени прошло с тех пор, как Соня слышала эти голоса! Как давно никто не называл ее «дочкой»! Горше всего было сознавать, что никто – ни один человек на земле – никогда так ее больше не назовет. У человека бывает только одна мать, только один отец...

– Ложь! – закричала Соня. – Не смей меня дурачить, ты, глиняный мерзавец!

– Соня... Соня... – звали голоса давно умерших родных. – Мы хотим только обнять тебя, Соня! Прижать к себе! Помнишь, как однажды в детстве ты бегала босиком и наступила на гнездо лесных ос, спрятанное в траве? У тебя распухла нога, когда несколько ос укусило тебя! Помнишь, как ты плакала? А потом вытерла слезы и сказала, что эти – последние в твоей жизни?

Соня чувствовала, как горячие потоки слез текут по ее щекам.

– Мама, – прошептала она, – нет, те слезы были не последними... Какими же сладкими они, оказывается, были! В те годы я не знала, какова на вкус настоящая горечь!

– Забудь все, Соня! – сказал отец. – Иди к нам!

Соня сделала шаг, другой...

Неожиданно перед ней распахнулся огромный изумрудный мир. Яркие цветы горели на кустах и в высокой сочной траве. Птицы невероятных расцветок парили в воздухе, плавно усаживаясь на ветви деревьев. Бабочки с золотыми и белыми крыльями порхали с цветка на цветок.

А впереди стоял белый дом с большими окнами, и на пороге этого дома Соня увидела свою мать в великолепном изумрудном платье...

Соня сделала еще шаг. Теперь от изумрудного мира ее отделяло всего несколько локтей.

– Что ты медлишь? – проговорил кто-то у нее над ухом. – Иди же к ним, Соня! Ты видишь – они ждут! Они истосковались по тебе, Соня!

Соня вздрогнула.

Так вот на какую хитрость пустился связанный бог, когда задумал уничтожить тех, кто вторгся в его обиталище!

– Ты лжешь! – закричала Соня вне себя от ярости. – Ты проник в наши мысли и создал ловушки, избежать которых мы не можем!

Ответа не было. Мертвая долина и изумрудный мир застыли в одинаковом молчании. Казалось, они ждали – что предпримет Соня.

– Самое дорогое, о чем грезил каждый из нас, – вот что ты показывал

и Сирхану, и Энне, и мне!

– Ну и что? – раздался голос, и демон, освобожденный людьми, вдруг возник перед Соней. – Это получилось забавно!

– Но ты убил их!

– Они оказались слабы перед искущением.

Соня была вне себя от ярости.

– Как ты посмел! Как ты посмел так зло издеваться над самым дорогим, что есть у человека, – над его мечтами, над его сокровенными мечтами!

– Милая Соня, – проникновенно проговорил освобожденный демон, – а как люди посмели охотиться на меня, поймать, связать и заставлять много лет исполнять их жалкие пожелания? Я был оскорблен! Ты знаешь, как я страдал?

– Ни Энна, ни Сирхан, ни я – никто из нас не участвовал в этой охоте, – возразила Соня. – Если уж на то пошло, то именно мы тебя и освободили. И вот твоя благодарность!

– Слыхал я одно людское поверье, – вкрадчиво проговорил демон. – Люди утверждают, что пока человек не умер, невозможно сказать, счастлив он был или несчастлив. И лишь те, кто удостоился высшего счастья в момент кончины, – лишь те избранныки судьбы. Так что, можешь считать, я сделал для твоих друзей самое лучшее, о чем только грезят люди: я организовал им счастливую кончину. Оба умерли в объятиях тех, кого страстно полюбили.

– Это чудовищно! – воскликнула Соня.

Освобожденный демон хмыкнул.

– Да я ведь и сам чудовище! Знаешь, как я поступил с Мгонгой?

Соня повернулась к демону, но увидела лишь сгусток тьмы.

– Говори, если хочешь.

– Хочу. Знай, Соня: я отдал ему часть моей силы и часть моего бессмертия. Теперь он сам – связанный бог. Я превратил его в глиняного истукана, вечно жаждущего, вечно голодного, вечно сотрясаемого похотью и вечно неудовлетворенного. Кроме того, он теперь может выполнять кое-какие желания людей: например, вызывать дождь, прекращать дождь, регулировать плодовитость скота... Интереснейшие занятия для того, кто обречен на бессмертие, не так ли? – Освобожденный бог хихикнул. – Пусть на своей шкуре испытает, каково это!

– Частица бессмертия? – переспросила Соня. – Значит, ты можешь...

– А, девушка! – зарычал освобожденный демон. – Вот, значит, где твоя главная слабость! Не тоска по отцу с матерью, как я предполагал, когда

заглядывал в твои мысли! Хорошо же ты сумела спрятать от меня свою главную цель. Молодец! Ты ищешь бессмертия? Ладно... – Он помялся, словно бы раздумывая о чем-то. – За твою дерзость я накажу тебя. Я не дам тебе ничего... Вообще ничего.

– Поклянись, – сказала Соня.

– Ты что, с ума сошла? – возмутился демон. – С какой стати я должен давать тебе какие-то клятвы?

– Поклянись водами Вечной Смерти, что не обманываешь. Ты не дашь мне НИЧЕГО.

Демон помолчал еще немного.

– Ты надоела мне, – сказал он. – Я клянусь водами Вечной Смерти, что НИЧЕГО не дам тебе. А теперь иди вперед и не оглядывайся.

Соня стиснула зубы. Смерть? Небытие? Бессмертие? Встреча с давно умершими родными? Что ждет ее, когда она переступит черту, отделяющую изумрудный мир от мертвого?

Все ближе нестерпимо яркий ковер сочной травы. Еще шаг, еще...

Соня глубоко вздохнула и перешагнула невидимую границу...

* * *

Пели птицы. Это были яркие тропические птицы, но совсем не те фантастически прекрасные пернатые, что порхали с ветки на ветку в волшебном саду сониной матери, который Соня видела в иллюзии, вызванной демоном.

Бабочки перелетали с цветка на цветок. Крупные, яркие, но обыкновенные для тропиков.

И цветы были совсем обыкновенными.

Над головой светило горячее солнце, от травы поднимался одуряющий аромат. Но Соня, которая обычно с трудом переносила жару и всегда страдала в тропическом климате, радостно засмеялась, оглядываясь по сторонам.

Она была на свободе.

Никто не преследовал ее. Никто ее не сопровождал. Но вокруг был обычный, реальный мир, и это неожиданно наполнило сонину душу огромным, светлым счастьем.

Она тряхнула головой, словно избавляясь от последних ключьев запредельного тумана, который окутывал ее в подземном мире иллюзий, и легким шагом направилась в джунгли – туда, где в просвете между

деревьями видна была узкая тропинка.